"Старшая сестра, мою мать подставили". Пожалуйста, избави ее от смерти. Я буду твоим рабом... "

Глаза Хуа Менгши заливались слезами. Она выглядела такой жалкой. К сожалению, Хуа Цюэ смотрела на неё равнодушными глазами. "Вторая сестра", это Императорский указ. Простите, я не могу его отменить."

Хуа Менгши плакала ещё более жалко. Она потеряла сознание и упала в обморок.

Суру и другие быстро помогли ей. Они не хотели портить императору Чанлону улучшенное настроение.

"Отведите этого бандита Ван Чжона тоже в темницу". Отруби ему голову завтра!" Император Чанлонг холодно рычал. Затем он мягко сказал Хуа Цюйюэ: "Простите, что подверг принцессу Цзинхуа шоку. Если бы не ваш интеллект и ум, я бы очень обидел вас".

Император Чанлонг редко был таким равным и спокойным. Хуа Циуе не очень-то суетился. Она равнодушно смотрела на императрицу и улыбалась. "Вы льстите мне, Ваше Величество. Десять тысяч скачущих лошадей - это картина Мудреца Живописи. Она бесценна. Я могу только бережно хранить ее. Но если она останется со мной, я не смогу постоянно о ней заботиться. Так что... я решил пожертвовать ее в государственную казну!"

Император Чанлонг услышал ее и спокойно восхитился. Он так любил эту картину. Тон Хуа Цюэ не был ни властным, ни покорным. Она подарила её в государственную казну, и она попадёт в государственную казну.

Но император все равно бы держал картину. Другими словами, она просто возвращала ее императору.

Императрица лицемерно сказала: "Ваше Величество, принцесса Цзинхуа права". Такая бесценная картина не безопасна в частных домах. Если принцесса Цзинхуа не сможет охранять ее в безопасности, она будет легко ограблена. Намного лучше оставить её в нашей государственной казне".

Император Чанглонг улыбнулся, раздув бороду. "Поскольку у принцессы Чинхуа такие прекрасные мысли, я приму ее предложение."

Напряженная атмосфера несколько смягчилась. Но старой мадам Хуа и Хуа Менгши пришлось помогать в близлежащем павильоне, чтобы лечиться императорскими врачами.

Банкет продолжился. Когда Хуа Цюйе поспешил в павильон, старая госпожа Хуа пришла в себя. Она спокойно уставилась на Хуа Цюйюэ, сделав слабый вздох. "А, Киюэ, я не знал... Я был таким неудачником. Я даже не заметила, как вторая мадам так жестоко тебя подставила... "

"Бабушка, все кончено. Не надо задумываться. У меня не все в порядке?" Хуа Цюйю подошла и начала слегка отбивать ей спину, чтобы утешить.

"Да, старая мадам. Теперь всё кончено. Вторая мадам получила только пустыни... "

Тэсюй рядом с ней также быстро утешил ее.

"О, но... когда Лайт вернется, я не знаю, как ему это объяснить." Лицо старой мадам было полно забот. Любимыми женами Хуа Литинга были его первая и вторая, мадам Ченг.

Если бы Хуа Цюэ не захватил власть в последние несколько лет, второй мадам стала бы главной. Хуа Лайт так высоко ее ценил.

Теперь, когда случилось нечто подобное, даже его собственной матери, старой мадам, было бы трудно открыть рот.

"Бабушка, тебе не нужно чувствовать себя виноватой". Вторая мама должна чувствовать себя виноватой. Она подвела любовь и ожидания нашего отца, - тихо сказал Хуа Цюэ.

Старая мадам Хуа услышала ее и больше ничего не сказала. Хуа Цюйюэ продолжала утешать ее и помогала ей вернуться на банкет. Когда банкет закончился, на небе стояла яркая луна. Тяньчи ни разу во время банкета не позвонил папе Юн Шимо.

Хуа Цюйюэ вздохнула с облегчением. Колеса кареты скрипели, когда она расстёгивала занавески. Она увидела лошадь, выходящую из дворца и направляющуюся в особняк Хуа.

"Принцесса Цзинхуа!" Кто-то тихо взывал к ней. Хуа Цюйю сделала паузу. Разве это не был голос Хуанфу Сюаня?

Огненно-рыжая лошадь перекрыла дорогу своей карете лошадей. Хуа Цюйюэ подняла шторы. Она увидела Хуанфу Сюань на этой огненной лошади, с поднятыми бровями.

"Молодой господин Хуанфу, в чём дело?" Хуа Цюйюэ безразлично смотрела на тщеславного человека и спокойно спросила.

Тяньчи сидел рядом с ней, радостно поедая виноград.

Подошла еще одна карета и остановилась рядом.

Хуа Цюйюэ взглянула на нее из угла глаза. На карете была эмблема особняка Юнь. Занавески

расступились, открыв холодное, красивое лицо Юнь Шимо.

Старая госпожа путешествовала на карете Хуа Цюйюэ, потому что ей было нехорошо.

Когда Тяньчи увидел Юнь Шимо, он сразу проглотил виноград во рту и закричал: "Папа!".

Внезапно наступила полная тишина.

Старая мадам Хуа, няня Чжоу и другие широко уставились на Тяньчи и Хуа Цюэ. Его зов оставил все челюсти на земле.

Хуанфу на огненно-красной лошади открыл рот ещё шире. В него можно было почти запихнуть большое яйцо.

Вагоны с лошадьми остановились за своими. Поскольку экипажи Юн Шимо и Хуа Цюэ перекрывали дорогу, этот крик услышали и многие другие.

Юнь Шимо мягко и тихо улыбнулся Тяньчи. "Хороший мальчик, Тианчи!"

Другие слышали его, и на их лицах были видны всевозможные выражения. Они все плакали и бушевали внутри.

"Не может быть. Я что-то не так слышал?"

"Не слышал. Мальчик, которого усыновил Хуа Цюэ, назвал принца Нан своим отцом!"

"Её приёмный сын назвал принца Нан своим отцом... Это делает Хуа Цюйю мамой?"

"Боже правый, и принц Нан ответил!"

"Невозможно! У принца Нан роман... с Хуа Цюйюэ?"

В их сердцах возникают разного рода спекуляции. Лицо молодых женщин превратилось в ужасное зрелище. Хуа Цюйюэ не только украла сегодня свет, но и заслужила благосклонность императора. В конце концов, она пожертвовала десять тысяч скачущих лошадей в государственную казну. Это ничем не отличалось от подарка самому Императору.

И теперь она выиграла благосклонность принца Нан. К чему пришел мир?

Угол рта старой госпожи Хуа дёргался. Она уставилась на Тяньчи, затем на Хуа Цюэ и,

наконец, на Юнь Шимо.

"Бабушка, Тианчи просто признал принца Нан своим крестным отцом. Не надо такой суеты". Хуа Цюйюэ говорила громко, позволяя многим слышать её.

Хуанфу Сюань услышала её и почему-то вздохнула с облегчением.

"Понятно. Тяньчи заслужил одобрение принца Нан. Это наша общая честь". Старая госпожа Хуа удовлетворительно кивнула. Принц Нан был фаворитом императора Чанглонга и очень популярным алхимиком. Если бы Тяньчи заслужил его защиту, его будущее было бы ослепительно ярким. Особняк Хуа также выиграл бы от этого.

Хуа Цюэ проигнорировал Юнь Шимо и безразлично смотрел на фронт. "Молодой господин Хуанфу, пожалуйста, говорите быстро". Нам нужно спешить обратно в наш особняк".

Хуанфу Сюань выздоровел, и его звездоподобные зрачки сверкнули странным проблеском. Он не смог найти подходящую тему для разговора.

Он перекрыл Хуа Цюэ выход из импульса. Он очень хотел узнать, откуда Хуа Цюэ знает, что кто-то ее подставляет. Как она узнала, что глаза этих восьми лошадей на картине могут двигаться?

Но спросить её раньше, чем так много людей заставили бы его выглядеть невежественным. Хуанфу Сюань вязал брови, и они напоминали гусеницу. В конце концов, он храпел. "Ничего". Просто моя лошадь дерзкая. Она сама встала у тебя на пути. Зверь, отвернись!"

Хуанфу Сюань силой потянул за вожжи. Его длинные, стройные ноги подстригли живот лошади. Его возлюбленная лошадь подошла к нему аккуратно и повернулась в сторону его особняка.

Юнь Шимо смотрел на него равнодушно. "Старая госпожа Хуа в порядке?"

Старая госпожа Хуа нежно улыбнулась. "Благодарю вас за заботу, Ваше Высочество. Я чувствую себя хорошо."

"Это хорошо. Тианчи, не забудь завтра приехать в особняк принца Нан. У папы есть кое-что приятное для тебя. Старая мадам Хуа и принцесса Цзинхуа, я сделаю ход." Принц Нан сказал невозмутимо. Он опустил свои занавески, и его карета проехала впереди к его особняку.

Взгляд старой мадам Хуа повернулся глубоко. Она посмотрела на Хуа Цюэ и улыбнулась. "Цюйюэ, хотя события сегодняшнего вечера меня очень огорчают, но... Принц Нан, кажется, очень беспокоится о Тяньчи. Это утешает меня".

Угол Хуа Цюйю подергался, когда она выглядела расстроенной. "Бабушка, даже без принца Нан, мы можем вести очень комфортную жизнь".

Старой госпоже Хуа пришлось тихо улыбаться. Ее сердце было отягощено всевозможными заботами. Она была частично ответственна за этот скандал с Хуа. Если бы она обнаружила схемы госпожи Ченг и озвучила ей предупреждение, все бы не дошло до такого состояния.

Чтобы утешить себя, она думала, что мадам Ченг не глупа. Хуа Цюэ тоже не была простой. Конечно, мадам Ченг поступила бы иначе, если бы взвесила все "за" и "против"?

Но раз уж это случилось, то не стоит жалеть об этом. Старая госпожа Хуа скорректировала свои эмоции. Хуа Лайтинг вернулась бы через два дня. Она не знала, как поговорить с сыном, когда пришел день.

Вернувшись в особняк Хуа, Хуа Циюэ и Тяньчи только что сели, когда услышали простые рыдания со двора.

"Первая мисс, вторая мисс умоляет зрителей". Цюйунь вошел в комнату и тихо объявил.

Хуа Цюйюэ нахмурился. Она знала, что Хуа Менгши не сдался. Она умоляла её спасти вторую госпожу. Сейчас Хуа Цюйюэ была единственной, кто мог сказать императору приятные слова.

Конечно, старуха Хуа больше не будет говорить за вторую мадам.

"Я пойду посмотрю". Тианчи, оставайся здесь". Было поздно. Хуа Цюйе не хотел, чтобы Тианчи тратил время с ней на улице.

Тианчи покорно кивнул, его темные виноградные ирисы сверкали ярким проблеском. Он натер свое маленькое лицо об локоть Хуа Цюйюэ и ушел с Юшуй в ванну. После купания он лег на диван, ожидая Хуа Цюйюэ.

Хуа Цюйюэ покинул двор. Она увидела яркую луну в небе, излучающую освежающие серебряные лучи. Они зажгли во дворе Long Red, сделав его еще более ослепительным и очаровательным.

Хуа Менгши, ее лицо, пронизанное слезами, стояло на коленях во дворе. Увидев Хуа Цюйюэ, она тут же закричала скорбным голосом: "Старшая сестра, помни, что мы сестры". Я прошу вас сказать несколько слов, чтобы спасти вторую мадам. Я буду твоей рабыней... и спасибо, что не убили ее! Старшая сестра... умоляю тебя... Мать не... "

Хуа Мэнши внезапно остановился, испуганно посмотрев на Хуа Цюэ. Она внезапно оторвалась.

Хуа Цюйю безразлично посмотрела на Хуа Менгши, хитрая, как лиса. Думала ли она, что она дура? Она пыталась сделать такой плохой трюк?

Конечно, Хуа Цюэ знала, что настоящий преступник - императрица. Вторая мадам была просто козлом отпущения. Но, тем не менее, и Вторая Мадам, и Хуа Менгши хотели ее смерти. Поэтому они действовали так охотно, как пешки императрицы!

Хуа Цюйюэ приходилось осторожно продвигаться вперед, посылая Юсюй и других служанок присматривать за Второй Мадам и её приспешниками. Когда они действовали, она тщательно анализировала их мысли с их точки зрения.

Кроме того, она тайно купила Суру. Она заранее узнала, что Вторая Госпожа и Хуа Менгши вылупились сюжет на картине "Десять тысяч лошадей, скачущих вперед". Так Хуа Цюэ сделала подделку и повесила ее на видном месте в холле.

Она не ожидала, что вторая мадам и ее команда поведутся на этот трюк. Поэтому она повернула заговор интриг против них, обвинив их.

Каининг и Цайцин стояли неподалеку и холодно смотрели на Хуа Цюэ. В их глазах Хуа Циуе был презренным человеком. Прекрасный Хуа Менгши стоял на коленях неподалеку. Их сердца сильно болели за нее, но они ничего не могли сделать, чтобы помочь.

http://tl.rulate.ru/book/22370/925780